

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ЛЕШИЙ В ПОГОНАХ

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Иллюстрация на обложке *Владимира Нартова*

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Леший в погонах / Александр Тамоников. —
Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-190105-9

Лето 1944 года. Советские войска развивают наступательную операцию под кодовым названием «Багратион». Не ожидая такого мощного удара, гитлеровцы вынуждены в спешном порядке эвакуировать свои тыловые службы. В районе Орши, прихватив секретный архив агентурной сети, пропадает начальник местного отделения гестапо. На поиски документов исключительной важности отправляется группа Максима Шелестова. Один из ее членов, Борис Коган, практически добравшись до цели, внезапно натывается на вражеский патруль. Для контрразведчика это верная смерть... Так бы и случилось, если бы в последний момент один из немцев не показался Когану подозрительно знакомым...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А. А., 2023
© Оформление.

ISBN 978-5-04-190105-9

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

Анна проснулась не сразу. И даже когда сквозь сон она не столько услышала, сколько ощутила этот гул, то все равно просыпаться не хотелось. Нет, это не гул моторов за окном, это не поездка мужа куда-то в деревню ловить партизан. Сердце подсказывало, что сейчас произойдет что-то страшное, настолько страшное, что перевернет всю жизнь, привычную жизнь немецкой женщины, матери двух детей. Весь привычный мир был в руках мужа, он был ее надежной защитой и гарантом семейного спокойствия и надежности. Штурмбаннфюрер Николас Альбрехт, начальник отделения гестапо здесь, в этом районе бывшей Советской России, давал возможность своей жене чувствовать себя уверенно. Но вот сейчас сквозь сон ворвался в сознание уверенной в себе женщины гул моторов советских самолетов, грохот разрывов артиллерийских снарядов. И вместе с этими звуками будто рухнул привычный надежный мир. Анна не поняла еще, что проис-

ходит, но она почувствовала, что надвигается страшное.

— Вставай! — закричал муж, срывая с женщины одеяло. — Быстро одевай детей! И в машину!

За окном кричали люди, раздавались команды немецких командиров. Ревели моторы грузовиков и трещали мотоциклетные двигатели. Земля уже дрожала от разрывов, звенела посуда в застекленном шкафу. Бомбы падали где-то на северной окраине в районе железнодорожного вокзала. Анна быстро натянула юбку, схватила блузку, но никак не могла попасть трясущимися руками в рукава. Она смотрела на спящих в кроватках детей, и сердце ее сжималось от ужаса. Четырехлетний Рудольф и шестилетний Карл мирно спали. Наконец Анна оделась и стала будить детей.

Все происходило как во сне, страшном ночном кошмаре. Зажигать свет муж запретил, а за окном металась тень, изредка фары машин били в окно, ослепляя, наводя панику. Кто-то из командиров орал истошным голосом, чтобы водитель выключил фары, где-то рядом на соседней улице ударила автоматная очередь, и у Анны чуть не остановилось сердце. Рудольф начал плакать, и женщина взяла его на руки. Она забежала в кабинет мужа, где Николас лихорадочно хватал документы из раскрытого настежь сейфа и бросал

в брезентовый мешок. Некоторые папки он укладывал в коричневый кожаный портфель. Увидев жену, он застегнул портфель и закричал, чтобы она бежала и садилась с детьми на заднее сиденье машины. Раньше Николас никогда не кричал на нее, и Анне стало не просто страшно, ей стало жутко.

Она выбежала на улицу, водитель ее мужа, хмурый молчун Отто стал помогать усаживаться в автомобиль. Николас выбежал на улицу с портфелем, спросил кого-то, не вернулся ли Йозеф Боэр. Ему ответили, что колонна попала под бомбежку. Гул наползал с неба, заполняя все пространство вокруг. Муж посмотрел на ночное небо и крикнул Отто, чтобы тот заводил машину. Рядом трогались другие машины, какой-то грузовик со скрежетом зацепил легковую машину интендантского управления. Анна сжала плачущих детей, накрыла их головы большим русским платком, который муж привез ей зимой откуда-то из деревни, и стала шептать мальчикам, что все будет хорошо, все обязательно будет хорошо. Наступит утро, и будет солнце и голубое небо. И все страхи останутся позади, в прошлой ночи.

Машина выскочила на ночное шоссе, где уже двигались колонны грузовиков с выключенными фарами. Машины сталкивались, два больших гру-

зовика съехали в кювет, и какой-то офицер бегал вокруг, размахивая руками, пытаясь остановить бронетранспортер. Отто вывернул руль и по обочине шоссе объехал хвост колонны. Анна видела, как муж постоянно крутил головой. Кажется, их автомобиль оторвался от основной колонны машин отдела гестапо. Прошло больше часа, уже светало, а машина все тащилась и тащилась в потоке автомобилей. Никак не удавалось вырваться вперед, обогнать. Анна, прижав к себе сыновей, закрыла глаза и попыталась уснуть, но мысли металась в голове с таким неистовством, что заснуть не удавалось. Как такое могло произойти? Муж постоянно говорил, что у русских временные успехи, что немецкие армии соберутся с силами, получат новые танки и самолеты и снова сметут большевистские орды и опять устремятся к Москве и дальше к Уралу.

Русские! Анна так и не поняла их, хотя вокруг за последний год их было немало. И горничная была русская, и в ресторане работали русские девушки, и в офицерском гарнизонном клубе, и в городской управе тоже. Они как будто смирились с оккупацией, и в то же время Анна часто ловила на себе ненавидящие взгляды русских женщин. Анна хорошо знала, ей вбили в голову, что при большевиках русские не жили, а мучились, находились почти

в рабстве. А немцы принесли сюда порядок, многих увозили на работу в Германию, где люди были защищены, были сыты. Да, убивали тех, кто восставал против германской власти, но это неизбежно. Русские должны были покориться, но они не покорялись. Анна знала, что леса полны партизан, кровожадных и беспощадных.

И тут сердце снова заколотилось. Жуткий смертельный ужас снова охватил Анну, и все внутренности сжались. В воздухе нарастал звук авиационных моторов. Еще минута — и над головами пронеслись советские штурмовики. Всполохи огня, черные клубы разрывов, огонь, грохот! Все двигавшееся по дороге горело, взлетало в воздух, а сверху снова и снова атаковали самолеты с красными звездами на крыльях. Оставляя за собой дымные следы, проносились ракеты, и снова вздымалась земля, рвался и горел металл. Муж кричал водителю, чтобы тот сворачивал в лес, на лесную дорогу. Отто кричал, что здесь не свернуть, надо проехать еще несколько метров. Эти крики, в которых не было уже ничего человеческого, заставляли стонать. Анне хотелось самой что есть мочи закричать, чтобы все это прекратилось. Грохот, разрывы, горящие люди и машины на дороге, вой моторов, крики детей в кабине... Боже...

Максим Шелестов ехал по вечерней Москве и смотрел на небо. Грохотал орудейный салют. Сколько людей на набережных, сколько людей на мостах! И все с восхищением смотрят на небо. Всего год, как прозвучал первый салют в честь побед наших войск, освободивших Белгород и Орел, а люди уже привыкли к победам, люди с надеждой и верой смотрят на небо, слушают грохот артиллерийских залпов и мысленно, всем сердцем, пребывают со своими мужьями, сыновьями и братьями там, на далеких фронтах. Ведь в честь них это торжество, страна гордится своими воинами, их победами.

Шелестов ехал по вызову Платова, не удивляясь, что комиссар госбезопасности ждет его вечером. Меньше людей увидят Максима Андреевича у входа в здание на Лубянке, меньше людей увидят его в коридорах наркомата. Может быть, не только Платов, но и Берия будет участвовать в этой встрече. Как-то Сосновский пошутил, что их группа уже стала личной гвардией Берии, которую на простые задания не отправляют. Михаил даже вспомнил вычитанное где-то из воспоминаний приближенных Наполеона, как он только в критических ситуациях, когда нужна была победа, и только победа, отдавал приказ: «Гвардия, в огонь!» Да, были времена, а Наполеона даже его

гвардия не спасла в 1812 году в России, да и под Ватерлоо тоже. Коган тогда язвительно заметил Михаилу, что тот приравнивает личность Берии к личности Наполеона. Шелестову пришлось вмешаться и перевести разговор на другую тему. Обсуждать наркома, да и вообще кого-либо из руководителей страны, в группе не следовало. Не тот уровень осведомленности и ответственности у членов группы, чтобы кого-то оценивать. Им необходимо выполнять свою работу, на своем уровне.

— Разрешите... — начал было Шелестов, войдя в кабинет Платова, но тот только поднял ладонь, заставляя визитера замолчать, а потом сделал нетерпеливый жест в сторону кресла.

Платов стоял, держа возле уха телефонную трубку, и слушал кого-то, отвечая только короткими междометиями. Шелестов осмотрелся. Все как всегда, ничего не меняется в кабинете комиссара госбезопасности. Правда, сам Павел Анатольевич сильно изменился: еще глубже запали глаза, заострились скулы. Но взгляд все тот же — глубокий, проникающий в самые недра твоего сознания. И кажется, что только взгляд Платова встретится с твоим взглядом, а он уже прочитал твои мысли, понял тебя, угадал, что ты ответишь, как поступишь. Уже три года идет страшная война.

Все смертельно устали — и в тылу, и на фронте. А ведь с февраля этого года Платову к его обычным должностным обязанностям добавилось руководство группой «С». Группа занималась агентурной работой в области атомной проблематики. Сотрудники группы добывали, анализировали, обобщали материалы, полученные из-за рубежа. Прежде всего из США, Норвегии. Но больше всего беспокоили работы, проводимые в нацистской Германии. Группа Шелестова еще в прошлом году как раз в Норвегии столкнулась с этой темой. Шелестов и Берия еще год назад почувствовали угрозу, поняли, что некоторые ученые вплотную приблизились к теоретическому моделированию и первым шагам практического исполнения в области атомного оружия большой разрушительной силы.

Положив телефонную трубку на аппарат, Платов почти минуту смотрел на нее с какой-то особенной задумчивостью, как будто еще раз прокручивал в голове недавний телефонный разговор. Потом выражение задумчивости исчезло с лица комиссара госбезопасности, и он бросил на Шелестова внимательный взгляд.

— Видел? — спросил Платов, кивая на окно.

— Да, — улыбнулся Максим Андреевич. — Сегодня их сразу пять. Целых пять салютов!

— Наступаем, громим врага! Освобождаем родную землю! — Платов сжал кулак так, как будто хотел ударить им по крышке стола. Но занесенная рука мягко легла, и он уже спокойнее спросил: — Как группа?

— Занимается, — ответил Шелестов. — Все по плану: боевая подготовка, изучение новых материалов, полученных разведкой, досье немецких и других иностранных разведчиков, пособников, данные по последним проведенным и сорванным вражеским агентурным операциям и операциям союзников.

— Временных союзников, Максим Андреевич, — строго поправил Платов. — Временных! Я хочу, чтобы вы хорошо понимали, что Запад с нами по необходимости, что наши союзники не смогли сами загнать в конуру возвращенного ими же зверя, возвращенного именно против нас. Запад — это такой же зверь, как и нацистская Германия, готовый и сам вцепиться в нас зубами, стоит нам только отвернуться и ослабить внимание. Никогда Запад не оставит нас в покое, ему не нужна наша страна сильной и независимой. Ему всегда не будут давать покоя наши колоссальные природные ресурсы. И дело не в коммунистической идеологии. Мы можем ее поменять на любую другую, и Запад все равно найдет причину, чтобы

враждовать с нами, чтобы нас ненавидеть. Учтите это и не поддавайтесь на любезное протягивание нам руки Запада. Придет время, и эта рука ударит нам в спину. Обязательно ударит!

— Мы не питаем иллюзий, товарищ комиссар госбезопасности, — понимающе кивнул Шелестов. — Готов выслушать ваше задание. Вы же пригласили меня для этого?

— Задание, — с какой-то странной интонацией произнес Платов, взял со стола карандаш и задумчиво покрутил его в руках. — Задание будет несколько странным, Максим Андреевич. Возможно, что полученная информация не стоит и выведенного яйца, а может, стоит очень дорого. Много нелепостей, много неточностей. Я бы считал эту информацию провокацией, хорошо подготовленной дезинформацией, но в таком случае нам бы подкинули более лакомый кусочек. А тут: вроде бы, где-то, возможно, есть основания полагать...

— Но проверять эту информацию все равно нужно?

— Обязательно нужно, когда речь идет о секретном архиве отделения гестапо, которое действовало больше года в районе Орши. Архив, в котором имеются сведения о предателях, пособниках и, возможно, «законсервированной» аген-

туре, которую специально готовили именно для такого вот случая. Случая нашего наступления, чтобы оставить на освобожденной нами территории «пятую колонну», разведчиков и диверсантов.

— И этот архив, конечно, был утерян ротозеем-гестаповцем во время панического бегства, когда началось наше наступление в Белоруссии?

— Молодец, — усмехнулся Платов. — Уловил мои сомнения. Слишком уж незамысловатый и часто используемый шаблон.

— А если не шаблон, а если это правда? — задумчиво произнес Шелестов. — И еще. А если и деза, то с какой целью? Я понимаю, если это произошло на территории Германии, если на временно оккупированной немецкими войсками территории какой-то другой страны, даже нашей. Это позволило бы вражеской разведке вскрыть нашу агентурную сеть, когда мы попытаемся завладеть архивом. Но архив, как я понял, утерян во время бегства и находится на территории, освобожденной Красной армией.

— Все правильно, Максим Андреевич, — подтвердил Платов. — Именно эти сомнения и не дают мне покоя. Именно они меня и заставляют отправлять твою группу на только что освобожденную территорию. Посмотрите там, на месте, допросите людей, которые могли иметь